

Провинциальный детектив

Максим Курочкин

Аниськин и сельские гангстеры

«Научная книга»

Курочкин М. И.

Аниськин и сельские гангстеры / М. И. Курочкин — «Научная книга», — (Провинциальный детектив)

«Но-Пасаран» – не какая-нибудь глухая дыра, а крупный совхоз, и дела тут творятся серьезные. Не успел прибыть сюда из города новый участковый, отличник школы милиции Костя Аниськин, как здесь произошло загадочное убийство. Труп мужчины в кустах, да еще и с отгрызенным ухом. Ну, ухо, допустим, ясно кто откусил. А кто убил? Вдобавок в кустах объявился новый труп, на этот раз женский. И опять ухо... Костя – человек городской, здешних порядков не знает, но чует – дурят его деревенские, расследование буксует на месте. Ладно, он им еще покажет небо в алмазах, кузькину мать и козью морду.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Курочкин

Аниськин и сельские гангстеры

Глава 1

Мальвина-людоедка

Костя заметил ее издалека. Так не вписывающаяся в сельский пейзаж собаченция вела себя в полной мере неадекватно. Голубая французская болонка, которой самой природой было предусмотрено возлежать на дорогах диванах перед средневековым камином, задорно кувыр-калась в роскошной, существующей только в российской глубинке, пыли. Французенка при-вставала на задние лапы, замирала на несколько секунд, опять падала, рвала зубами что-то мелкое и плохо видимое, терлась спиной об это что-то и грозно, как ей казалось, порывивала.

Вообще молодой, только что прибывший в совхоз имени Но-Пасарана участковый Константин Дмитриевич Комаров шел в селпо по делу. Уже неделю он жил без хлеба и жутко страдал по этому поводу. Для городского, жившего в полной семье Костика полной неожиданностью явился тот факт, что продукты никак не желали сами собой появляться в тех местах, где им, собственно, и положено было находиться по призванию. Нет, он понимал, что колбасу и молоко мама приносит из магазина и даже сам иногда бегал в ближайший универсам. Но он никак не мог предположить, что еда заканчивается так быстро, и что кроме хлеба и сахара в доме должны быть макароны, масло и еще черт знает сколько наименований продуктов пита-ния.

Поначалу юноша даже впал в легкую панику, но потом взял себя в руки и решил, что бунт продуктов – первое испытание на новой должности. И от того, как он выйдет из этого испыта-ния, зависит вся его дальнейшая жизнь и деятельность на ниве искоренения пороков общества. Итак, на первый раз он решил купить батон. А может быть, и еще чего-нибудь очень нужное и полезное в его холостятском хозяйстве. Но работа – есть работа, в школе милиции говорили, что сельский участковый должен быть в курсе всех мелких и крупных событий, происходящих на подшефной территории. Поэтому юноша мгновенно забыл про цель своего визита в магазин и пристально посмотрел на безнадзорное животное. Гуляющая без присмотра и намордника собака – нарушение мелкое, но на безрыбье – и рак рыба.

– Чья собака? – строгим, как ему хотелось думать, тоном спросил он мужиков, лениво шурящихся на солнце на скамейке.

– Мальвинка-то? Да Арькина, – через пару минут ответил один, с пижонистой трехднев-ной щетиной.

– Кто такой Арь? Как фамилия гражданина? – не унимался Костя.

– Какой еще Арь? Не знаем такого, – обрадовался неразберихе небритый.

– Да вы только что сами сказали, что собака Арькина!

– Ну, точно Арькина. А при чем тут гражданин Арь? – глумился мужик.

– Товарищ, вы что, издеваетесь над представителем власти? – насупил брови Комаров, злясь на себя за то, что по случаю выходного дня вышел в люди без формы и кобуры.

– Да нет, – подал голос другой мужик, видимо, самый культурный и вежливый из всех. Вы просто не поняли моего товарища. Арька – это не гражданин, а гражданка. Вообще-то ее зовут Ариадна, но пока выговоришь – язык сломаешь. Люди никак запомнить не могли: кто Дуриадной ее кликал, кто Мракиадной. Теперь вот научились, сокращаем.

– Ариадна? – немного опешил Костя, его несколько удивило, что в сельской глубинке живет владелица французской болонки, да еще со столь экзотическим именем.

– Ну, точно. И фамилия у нее тоже придурковатая – Савская. И собаку сволочную свою по-буратински назвала – Мальвина. Нам эта гадюка всех кобелей попортила. Как пытается какой уважение ей оказать, такую истерику закатывает – хоть святых выноси. Кусается. Из-за этой стервы все кобели робкие стали. Стыдно сказать – щенков из других сел берем! – и словоохотливый мужик виртуозно выругался.

Костя уже давно его не слушал. День был жаркий, но капли пота, выступившие на высоком чистом лбу молодого человека, не были вызваны повышенной влажностью воздуха. С оставившимся сердцем Костик смотрел на хорошенькую, пыльную болонку, забавляющуюся со своей страшной игрушкой.

На уроках криминалистики ему приходилось видеть всякое, но чтобы среди бела дня мерзкая собаченция нагло трепала человеческое ухо... Юношу замутило. Чтобы скрыть свою слабость, он закрыл глаза и досчитал до десяти. Слабость прошла, но болонка с ухом не исчезли. Псине надоело забавляться с добычей, она улеглась, плотно обхватила ухо лапами и с явным удовольствием принялась за трапезу.

– Кто последним видел Ариадну Савскую? – просипел Костик.

Услужливое воображение уже рисовало жуткую картину: мрачная комната, стены забрызганы побуревшей кровью, посередине лежит полуобглоданный труп прекрасной при жизни полуобнаженной женщины. Вокруг трупа, пуская слюни, сидят местные робкие с барышнями кобели с окровавленными мордами. Словно наказывая за неприступность болонку, они пожирают юное тело ее хозяйки. Самое ужасное было в том, что и двуличная болонка принимала участие в трапезе.

– Ах ты, гадость, – вскрикнул Костик и бросился на ничего не подозревающую собачку. – Отдай улику, – орал он, пытаясь завладеть частью тела безвременно погибшей Ариадны или Ари, как звали ее в Но-Пасаране.

Не зря, видно, но-пасаранские кобели так боялись Мальвину. Догадавшись, что незнакомый мужчина хочет отобрать у нее законную добычу, болонка завизжала так, что гуси, мирно щиплющие травку неподалеку, загоготали, построились и красиво поднялись в воздух, решив, что наступил конец света и пришла пора спасаться.

Маленькое, но отважное существо решило стоять до конца. Догадавшись, что визгом этого нахала не испугаешь, она бросила ухо и смело вцепилась ему в руку. Мерзкий визг болонки сменился вполне приятным – Кости. Он вскочил и затряс рукой, на которой, закрыв глаза и намертво сцепив челюсти, висела Мальвина. Гуси, сменив ужас на любопытство, зависли в воздухе, плавно опустились на землю и вернулись, деликатным кружком встав вокруг драчунов наподобие ринга.

– Конец Мальвинке, – обрадовано оповестил мир небритый.

– Это участковому новому конец, – не поддержал его радости вежливый.

– Спорим? – подмигнул небритый.

– Ставлю стакан на Мальвину, – не понижая тона, предложил вежливый.

Пока Костя, поднимая клубы пыли, сражался с болонкой, мужики азартно делали ставки. Но дожидаться окончания битвы им было не суждено. Как в любом бое без правил, к одному из противников подоспела подмога.

– Сотрап, насильник, деспот, козел, цербер, ядовитый змей, – услышал за своей спиной Костик.

Чтобы не было сомнений, кто именно сотрап и козел, слова немедленно подтвердились делом. Костик обернулся. Пренеприятная дама не больно, но обидно стегала его пустой хозяйственной сумкой в жирных разводах. Положение участкового осложнялось тем, что обороняться он мог только одной рукой. К другой намертво прицепилась болонка-людоед.

– Отпусти собачку, живодер, – кричала дама.

Она была далеко не молода и очень далеко не прекрасна, даже в живом виде. При звуке ее голоса Мальвина выпустила руку Комарова, жалостливо заскулила и прижалась к ногам спасительницы.

– Деточка, масик мой, – запричитала пренеприятная, – как только этот мерзавец смел поднять на тебя руку! Не плачь, мы на него в милицию пожалуемся, его в темнице сгноят. А ты сама виновата! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не убегала без спросу из дому? Видишь, что нам приходится жить среди диких, необразованных и бескультурных людей. Такие и сожрать могут, а не только надругаться.

– Гражданка, – попытался вставить слово Комаров.

Голос-предатель после пререканий с болонкой отказался выполнять свои обязанности и сорвался на фальцет. Дама, которая, как догадался Костя, оказалась хозяйкой Мальвины, смерила его презрительным взглядом и гордо удалилась, нежно неся в руках Мальвину.

– Гражданка! – пискнул опять Костя.

– Кто ставит? – спросил равнодушный к торжеству законности небритый.

– А кто победил?

– Арья.

– Значит, скидываемся.

Поглощенные предстоящим мероприятием, мужики совсем забыли о Косте. Гуси тоже равнодушно повернулись белыми спинами к поверженному герою. А Косте было горько. Мало того, что его унизили, покусали, избili сумкой, так его еще и не ставили ни в грош! За грустным раздумием он совсем забыл о главном, о том, из-за чего и вышел, собственно, конфликт с болонкой.

Вспомнил он о причине конфликта только почувствовав в руке посторонний предмет. Холодея от ужаса в страшной догадке, Комаров поднес руку к лицу и разжал ладонь. Это оказалось оно. Синее, беспощадно покусанное человеческое ухо. Как оно попало в ладонь участкового, сейчас было уже неважно. Личные переживания юноши тоже не имели значения. Имело значение только то, зачем он приехал в эту забытую богом дыру.

Глаза участкового загорелись фанатическим блеском. Достав из кармана почти чистый полиэтиленовый пакет, он осторожно опустил в него добычу, стараясь не оставлять отпечатки пальцев, потом достал из другого кармана пухлый новенький блокнот в строгой кожаной обложке и авторучку.

– Будете свидетелями, – официальным тоном объявил он зрителям. – Сейчас каждый из вас продиктует мне свою фамилию и адрес.

Участковый ровным почерком старательно вывел заголовок: «Список свидетелей, присутствующих при попытке задержания подозреваемой в причинении тяжкого членовредительства неизвестному Мальвины и ее хозяйки Ариадны, не знаю отчества, Савской».

– Пожалуйста, диктуйте.

Просьбу пришлось повторить дважды. Костик поднял голову. Площадь перед магазином, только что кишевшая свидетелями, опустела. Перед ним на скамейке сидел только старый дед, смахивающий больше на свидетеля войны 1812 года, чем на свидетеля преступления, совершенного в начале XXI века.

Дед по-доброму смотрел из под кустистых бровей прямо в глаза участкового.

– Ваше имя, дедушка? – вежливо спросил Костя.

– Гуси-то? – живо откликнулся он, – еще как летают. Недалече, правда, и высоко не поднимаются. Но маненько могут.

– Да нет, – повысил голос Комаров, – я спрашиваю, как вас зовут?

– Бывало и такое, – уверенно кивнул головой дед, – я тогда совсем еще парнишкой был. Сижу, как-то, смотрю...

– Да не про гусей я, – во всю силу легких заорал Костя, – мне надо знать, как ваше имя, отчество, фамилия и где вы прописаны!

– А ты не кричи, не глухой, – обиделся дед, – вот поживи с мое, тогда и кричи. А то приезжают, порядки свои устанавливают... Так бы сразу и сказал, что курицами интересуешься.

Костик махнул рукой. Так. Обнадеживающее начало. Свидетелей – нет. Подозреваемые скрылись. Сам он ранен – стыдно признаться – французской голубой болонкой.

– Извините, – услышал он женский голос за своей спиной.

И хотя приятный, грудной голос несколько не напоминал

визг Савской, Костя непроизвольно прикрыл голову руками. И напрасно. Около него стояла совершенно не внушающая страха, хотя и очень крупная девушка.

– У вас кровь, – просто сказала она, – я перевяжу.

Не терпя пререканий, она взяла его за руку и повела за собой. Ладонь девушки была теплая, мягкая, с чуть заметными бугорками мозолей. От всего ее облика веяло такой доброй, уверенной в своей правоте силой, что Константин потерял всякую способность к сопротивлению. Девушка шла немного впереди него, поэтому у юноши была возможность немного ее рассмотреть.

По городским меркам она была полновата. Даже слишком полновата. Но полнота ее не создавала ощущения тяжеловесности. Шагала она легко и быстро, Костик даже начал задыхаться от быстрой ходьбы. Длинная, как в сказках, коса с яркой резиночкой на конце тяжело и уверенно лежала на добротной широкой спине. Тонкая, относительно пышных груди и бедер талия подчеркнута пояском. Белая кожа, красивый, легкий румянец. Присмотревшись внимательнее, Костя понял, что она не так молода, как показалось сначала. Скорее всего, у нее была уже семья, дети.

– Как вас зовут? – спросил он, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Калерия Белокурова, – быстро, в отличии от партизана первой мировой, ответила девушка.

У Комарова вытянулось лицо. Сначала – Ариадна Савская. Теперь – Калерия. Что будет дальше?

– Родители наградили, – поняла она его немой вопрос, – ладно бы только меня, моя жизнь уже почти прожита, а то и сестренки, братишки.

– Сколько же вам лет? – удивился Костя пессимизму, прозвучавшему в голосе девушки.

– Тридцать три, – не ломаясь, ответила она.

– А я Константин Дмитриевич Комаров, ваш новый участковый, – запоздало решил представиться Костя.

– Знаю, – усмехнулась девушка, – знаю даже, где вы живете и когда приехали.

– А не расскажете ли вы мне, что из себя представляет Ариадна Савская? – осмелел Костя, увидев жалкие следы своей популярности в народе.

– Почему бы нет? – пожала плечами Калерия.

Оказалось, что Ариадна живет в Но-Пасаране недавно, всего два года. Савская рассказывала, что в городе она работала известной актрисой, играла в театрах главные роли и даже гастролировала в Париже. После таинственных событий, которые она старательно окутывала туманом, ей пришлось удалиться в изгнание. Ариадна божилась, что карьере ее погубили интриги жалких завистников, что в городе ее ждут роскошные апартаменты и толпы поклонников, объясняла, что живет не в селе, а на даче, что все это временно и не на долго. В Но-Пасаране же поговаривали, что из театра ее выгнали за интриги и бездарность, никакой кватир в городе у нее нет, нет и поклонников.

Единственно, что было известно точно – так это ее возраст и настоящее имя. Возраст, который присвоила себе Савская, расходился с паспортным в тридцать лет, а в графе «имя» стояло тривиальное «Зинаида Федоровна Петухова». Впрочем, она и не скрывала, что имя ее

выдуманное. «Сценический псевдоним обязан иметь каждый талантливый актер», – объясняла она тем, кто пытался заподозрить ее в двуличности.

Савскую в Но-Пасаране не любили. Она была ненастоящая, непозволительно много врала, презирала всех окружающих, от нее дурно пахло, и, вдобавок ко всему, Ариадна являлась хозяйкой омерзительной по характеру Мальвины. Одного этого было достаточно, чтобы завоевать вековую ненависть окружающих.

– А не терял ли кто за последнее время в селе ухо? – обрадовался Костя словоохотливости девушки.

Калерия с тревогой взглядела в его лицо.

– Господи, вот противная животная, – всплеснула она руками, – до чего человека довела! Вы не беспокойтесь, она не бешенная, уже не раз проверяли. Сейчас продезинфицирую, перевяжу и завтра будете как новенький.

Калерия работала медсестрой в фельдшерско-акушерском пункте или ФАПе, как его сокращенно называли в Но-Пасаране. Она толково и безболезненно обработала укусы и, не мучая пациента бумажной волокитой и ненужными прививками, отпустила на волю.

– И все-таки, – еще раз попытал счастья Костя, – скажите, есть ли среди ваших знакомых одноухие граждане и не пропадало ли у кого из односельчан одно ухо за последнее время?

– Идите домой, – не ответила ему на вопрос Калерия, – выпейте теплого молока с медом и ложитесь в постель. У вас есть мед и молоко?

– Ненавижу молоко с медом, – пробормотал Костя.

Забота медсестры начинала его раздражать. Участкового должны уважать и побаиваться, а эта молодая женщина относилась к нему покровительственно, как к ребенку или младшему брату.

– Попрошу вас не уезжать из Но-Пасарана, – сказал он строго, – вы можете дать важные свидетельские показания.

– Уехала бы, да не с кем, – глубоко вздохнула Калерия.

– То есть как это? – не понял Комаров.

– А никак. Не волнуйся, участковый, куда я не денусь.

Немного потоптавшись на месте, Костя резко выскочил за дверь и размашистой походкой зашагал прочь от ФАПа. В окне процедурной с занавесочками в горох долго маячило круглое, молочно-белое лицо Калерии. Наконец, девушка глубоко вздохнула, отчего занавеска вздулась парусом, и отошла от окна.

* * *

Новый участковый широкими шагами мерял небольшую комнату в сдаваемом ему доме. Комната была четыре Костиных шага в длину и три в ширину. В длину она была бы все пять шагов, если бы не русская печка, которая неведомым образом сохранилась наравне с недавно проведенным газовым отоплением. Костя размышлял. Размышлять с раннего детства он привык вслух.

– С одной стороны, преступления, вроде бы, и нет. Труп или пострадавший не найден, заявления на пропажу уха нет, а следовательно, и состава преступления – тоже. Значит, я должен спокойно сидеть в кабинете и ждать настоящего, ярко выраженного убийства или ограбления. А с другой стороны, человеческое ухо, валяющееся без присмотра, сигнал тревожный. Значит, меры принять необходимо.

– Ага, – тихо крикнул кто-то.

– Кто здесь? – Костя выхватил пистолет.

Комната ответила тишиной. Комаров подобрался и прыгнул в пустой угол, из которого был хороший обзор. Занавески на окнах не колыхались, пространство под кроватью просмат-

ривалось великолепно, единственное место, где мог спрятаться злоумышленник – здоровый, весь в мелких трещинках красный монстр-шкаф. Тихо, вдоль стены, чтобы не скрипнула половица, прокрался он к монстру и резко откинул одну дверцу.

Аскетичные пожитки самого Кости, сиротливо стоящий в углу пустой чемодан, непобедимый аромат нафталина. Ничего, что могло бы разговаривать.

– Показалось, – решил Костя. – Итак, мы остановились на том, что меры принимать все-таки придется. Какие меры?

Ходить по дворам и опрашивать но-пасаранцев? Вызвать всех жителей повестками и насильственно проверять отсутствие одного уха? Шарить по кустам и погребам в поисках трупа? Глупо. И почему, собственно, я решил, что пропало только одно ухо? Потому, что Мальвинка трепала только одно? А может, до этого она уже съела дюжину?

Костя мучительно вспоминал, что по этому поводу говорилось на лекциях и практических занятиях в школе милиции, но ничего подобного вспомнить не мог. Были дела с найденными крупными частями тела, а о мелких ничего не говорилось. Можно было бы просмотреть конспекты, но на это ушло бы время, а то, что по горячим следам раскрыть преступление гораздо легче, чем по холодным, Костя усвоил твердо. Наконец спасительная мысль посетила его утомленную голову.

– Как все просто! – вскрикнул он и звонко шлепнул ладонью себя по лбу. – Надо просто проследить за болонкой и ее хозяйкой! Если собака с таким сожалением расставалась с уликой, то ей может прийти мысль вновь пойти за добычей. И загадка будет разгадана!

Не раздумывая больше и не прихватив ничего для комфортного сидения в засаде, Костя выскочил за дверь. В наступившей тишине жутковато и мистически прозвучало тихое и хриплое:

– Ага!

* * *

Дом экс-актрисы Комаров нашел быстро. Сначала он просто шел по направлениям, указанным ему добрыми и любопытными но-пасаранцами. Потом стал продвигаться к окраине села, как ему и советовали доброхоты. Дачу Савской он узнал сразу. Средних размеров и дряхлости домик напоминал грустную пародию на городскую квартиру. Кнопка звонка на покосившихся воротах, фанерная табличка с надписью: «Актрисе Савской звонить три раза», заросший палисадник, похищенная откуда-то жестянка с выбитыми буквами «Третий подъезд».

Комаров, помня первое знакомство с Савской и ее дурной болонкой, решил продолжить его несколько инкогнито, то есть не расспрашивать агрессивных дам о местонахождении уха, а залечь в засаде и проследить за их действиями. Неплохое место для засады нашлось с глухой стены дома. Щербатый забор давал возможность видеть все, что происходило во дворе, ближайшая доска легко и без скрипа отходила, то есть при желании можно было проникнуть на наблюдаемую территорию, густая трава скрывала Костю и не закрывала обзор, рядом не было тропинки и соседей. То есть никто не мог помешать слежению.

Смеркалось. Дискомфорт от неподвижного лежания в колючих зарослях все усиливался. Молодой организм настоятельно требовал движения и пищи.

"Олух, – ругал себя Костя, – ведь говорили же нам, что к засаде надо готовиться серьезно, продумывать варианты одежды, запастись водой, пищей. Вот теперь лежи и питайся воспоминанием о своих «пятерках».

Ничего интересного не происходило. Нельзя же считать интересным Савскую-Петухову, разгуливающую по двору в выдавшем виды бикини и Мальвину, уже четвертый час неподвижно спящую совсем не по-собачьи, на спине.

– Пусик, – наконец просюсюкала Ариадна, – мамочка принесла тебе кушать! Вставай, петушок пропел давно!

«Пусик» широко зевнул, но, услышав слово «кушать», мгновенно принял вертикальное, если можно так сказать про собаку, положение. Ариадна поставила перед мордой болонки миску и, чмокнув питомицу в сухой со сна нос, зашла за шиферную перегородку. Тут же из-за перегородки послышался шум льющейся воды и голос самой Савской, пытающейся изобразить популярную в народе арию герцога из «Риголетто».

«Сейчас эта прорва наестся и завалиться спать на всю ночь, – приступил к дедуктивному мышлению Костя, – спящая собака не может вывести к месту преступления. Значит, мне нужна бодрствующая собака и как следствие этого – голодная собака. Пришла пора приступить к практическим занятиям».

Времени было мало. Того и гляди Ариадна Федоровна могла закончить помывку. Костя решительно отодвинул доску и пополз к Мальвине. Ничего не подозревающая собачка сначала не видела надвигающейся опасности и мирно чавкала, наслаждаясь полезным питанием на свежем воздухе. Она так увлеклась содержимым миски, что не успела вовремя заметить врага и сосредоточиться. У Кости оказалось главное преимущество: время. Одной рукой он ловко схватил псину за шкуру, другой – вцепился в миску. Враг был временно нейтрализован, еда – захвачена, но что делать с тем и другим, Костя не успел придумать заранее.

Тем не менее, время поджимало. За шиферной перегородкой уже выключили душ, вой Мальвины еще заглушал мощный голос Савской, но скоро та должна была выйти из-за перегородки и увидеть нелицеприятную картину избиения любимицы. Недолго думая, Костя опустил болонку в пустую бочку из-под воды и бросился за спасительный забор. Едва трава, в которую он упал, перестала колыхаться, как Ариадна Федоровна выплыла из душа.

Она вынырнула из большого махрового, с целующимися лебедями полотенца, и продолжая напевать арию ветреного герцога, стала растирать свое белое рыхлое тело. Костику пришлось на время целомудренно опустить голову. Работа – работой, но подглядывать за обнаженными старушками его никто не уполномочивал. Опустил голову он более, чем неудачно, прямо в собачью миску. Думать о том, как прожорливая болонка могла с таким удовольствием пожирать эту гадость, было некогда. Савская наконец-то услышала вой Мальвины. Вой был несколько усилен и замаскирован акустическими возможностями бочки, актриса, стыдливо завернувшись в полотенце, металась по двору, а Костя мучительно думал, куда деть месиво из миски и как вернуть саму миску во двор. Просто вытряхнуть еду он не мог, Мальвина нашла бы ее по запаху и наелась, чего позволить было никак нельзя. Следуя логике и советам наставников, болонкин ужин следовало проглотить. Так, если ему не изменяет память, делали шпионы с шифровками.

"Вот оно, первое испытание, – со смесью отвращения и

счастья думал Костик. Нас предупреждали, что в этой работе будет грязь, пот, кровь, лишения, непонимание близких. Правда, о собачей еде ничего не было сказано, но это, видимо, тоже подразумевалось".

Набрав в легкие побольше воздуха, чтобы не дышать исходящими от еды миазмами, Костя закрыл глаза и опустил голову в миску. Странно, но миазмы исчезли. Костя открыл глаза. Вместе с миазмами исчезла и еда. Миска Мальвины была не только девственно чиста, но и тщательно вылизана.

Спустя мгновение, к удивлению прибавился легкий шок, вызванный явлением справа головы мифологического пана. Костя умел держать себя в руках. Он был смел и готов ко всему. Поэтому он не закричал и не вскочил, как ошпаренный, а только негромко и деликатно прошипел:

– Спасибо, конечно, что сожрал эту мерзость, а теперь, брысь отсюда, козел!

Козел, а это был действительно самый настоящий живой козел, с упреком посмотрел прямо в глаза участковому и остался лежать рядом. Воевать с приبلудным животным было некогда, вел себя он вполне пристойно, поэтому Костя предпочел потерпеть немного его общество.

Тем временем Ариадна нашла, наконец, несчастную обезумевшую Мальвину. В тот момент, когда она нагнулась над бочкой, Комаров успел перебросить через забор пустую миску. На его счастье, хозяйка двора и подумать не могла, что кто-то мог второй раз за день поглотиться над ее сокровищем. Она пожурила собачку за то, что та опять гонялась за птичками и упала в бочку, похвалила ее за хороший аппетит, забрала пустую миску и удалилась в дом. Голодная Мальвина, продолжая жалобно подвывать, поплелась за хозяйкой.

Стало совсем темно. Небо рассыпало совершенно нереальным количеством звезд, тепло, шедшее от козла, согревало озябшее тело молодого и неопытного участкового, сверчки пели так уютно, тишина была так безопасна...

Проснулся Костя от толчка. Светало. Козел деликатно подталкивал его длинными острыми рогами.

– Что? – вскочил Костя, – проспал?

Козел молчал. Боковым зрением Комаров увидел серую тень, мелькнувшую во дворе Савской. Тень направлялась к той самой дыре в заборе, за которой лежал Костя и козел.

– Отползаем, – машинально скомандовал юноша.

Глупая, выросшая в сравнительно безопасных городских джунглях Мальвина не обратила внимания на зверский шум около ее законной лазейки. Она спокойно пролезла в щель и, весело махая роскошным, украшенным гроздьями репьев хвостом, побежала по направлению к лесу. В некотором отдалении от нее крался Костя. За Костей тихо и заинтересованно брел козел.

Болонка выбежала за границу села и потрусила в сторону густого орешника.

«Даже если бы Мальвина была очень голодна, вряд ли она захотела бы подкормиться орехами. Даже если я неправ, орехи еще не спели», – опять подключил дедукцию Костик.

Он раздвинул густые ветки и увидел Мальвину. В скудном свете раннего утра она и впрямь казалась голубой, а не серой. И она явно была голодна. Потому что в тот момент, когда Комаров ее увидел, пыталась приступить ко второму уху откровенно мертвого усатого мужчины с разбитой губой и измазанным кровью ножом, покоящемся у него на груди.

Глава 2

Бирюк-на-окраине

Совхозом имени Но-Пасарана бывшую Малиновку назвал не злобный шутник и не скудоумный чиновник. Совхоз имени Но-Пасарана родился в те тревожные годы, когда алчные щупальца контры еще не отказались от мысли сожрать несовершеннолетнюю республику со всеми потрохами. «Но-Пасаран» – это было красиво. «Но-Пасаран» – это было злободневно. «Совхоз имени Но-Пасарана» – это было даже лучше, чем «Заря коммунизма» или «Светлый путь». И сельский сход решительно остановился на этом иностранном и сурово звучащем названии.

Совхоз имени Но-Пасарана относился к райцентру Труженик и находился в непосредственной близости от него. Хотя Костя и обозвал свое новое место жительства дырой, дырой ни Но-Пасаран, ни Труженик не был. Живописнейшие окрестности райцентра с одной стороны окружала колония для преступников средней степени опасности, с другой – таможенный пост, предупреждающий обмен между Казахстаном и Россией запрещенными товарами и гражданами без паспортов.

В самом совхозе был даже вполне крупный мелькрупкомбинат, приносящий доход совхозу и пользу обществу. Правда, никто в окрестностях не называл его по официальному названию: «Пробуждение». Каждый норовил позатейливее и пообиднее вывернуть это вполне приличное название, и звали его кто «Заблуждение», кто «Побуждение», а кто просто и лаконично «Блуждение». Зато у комбината было славное прошлое. Его построили еще при Екатерине II, он благополучно перескочил в двадцатый век и вполне сносно перекочевал в двадцать первый.

Достопримечательности, созданные человеком, прекрасно гармонировали с природными красотами. Непроходимые леса оказывали добрую услугу беглым уголовникам и нарушителям таможенной границы, в озере под названием Чертов омут по издревле заведенной традиции топились соблазненные и брошенные красавицы, небольшая, но ледяная речушка Нахойка была богата пескάρями и острыми камнями. То есть в принципе, Но-Пасаран мало чем отличался от любой другой жилой точки российской глубинки.

Почему Костя после окончания школы милиции выбрал именно эту точку? А он ее и не выбирал. Он выбрал образ жизни и призвание, а место, где все это добро можно было реализовать, выбрала ему комиссия по распределению.

Школу милиции Костя Комаров и его брат Кирилл закончили на «отлично». Это единственное, что было у них общего. Правда, братья были похожи. Но это скорее подчеркивало их различие, чем отмечало сходство. Всю жизнь двойняшки недолюбливали разных учителей, влюблялись в разных девчонок, предпочитали разную начинку в пирожках и стили в одежде. После выпускного экзамена дороги двойняшек в первый раз разошлись. Кирилл остался в городе, он избрал престижную и высокооплачиваемую стезю адвоката и поступил в юридическую академию. Константин же решил посвятить свою жизнь искоренению зла и насилия в образе преступности и попросился в провинцию. Там он хотел на деле доказать свою теорию о построении идеального правового общества в отдельно взятом населенном пункте.

Но-Пасаран Косте и нравился, и не нравился. С одной стороны, монотонность и архаичность местной жизни грозила ограничить масштаб преступлений кражей цыплят и яблок. С другой – работа в селе включала в себя не только рутинную работу сельского участкового: здесь он был сам себе начальник, сам себе следователь и сам себе группа захвата. У него было даже собственное отделение милиции, переоборудованное из послереволюционной избы-читальни.

Отделение было небольшое, трехкомнатное. В первой комнате, бывших сенях, стояли два ряда кресел, экспроприированных прежним участковым из но-пасаранского клуба. Они пред-

назначались для ожидавших своей очереди посетителей. Кресла, обтянутые облезлым коричневым дерматином, практически всегда пустовали, но это не мешало им создавать впечатление того, что посетители в отделении все-таки бывают и даже сидят в очереди. Вторая комната была оборудована под кабинет участкового или приемную. И третья, самая главная, гордо именовалась камерой предварительного заключения или по-городскому изыскано – обезьянником. В отличие от первой, эта комната почти всегда была обитаемой. Любящие супруги за бутылку самогона подкупали текущего участкового и заключали разбуянившихся не в меру суженых на день-два за решетку для просыпу. Частенько «просып» длился целую неделю, так как сердобольный текущий участковый за умеренную плату поставлял временным заключенным утешительные бутылки с мутноватым пойлом, и даже сам коротал с узником длинные трудовые будни, звонко чокаясь через крупную металлическую решетку и провозглашая любимые нопасаранские тосты: «За справедливость» и «За композитора Стравинского». Впрочем, Комаров еще не познакомился с местными традициями и пока просто любовался красотами нетропутой природы Но-Пасарана и окрестностей.

А окрестности были колоритны и выразительны, с элементами архаичности и налетом цивилизации, со своей историей и характером. Особенно нравилось Косте раннее утро. Оно веяло на него чем-то сказочным, из давно забытого детства, чем-то тургеневским и историческим.

В это утро привычная для сельчан картина немного разнообразилась. Все так же разногласо и бесстыже орали петухи, все так же звонко, как бы любуясь собой, щелкал кнутом уже давно не привлекающий женского внимания пастух, все так же, позевывая и ругая на чем свет стоит свою женскую долю, выгоняли коров хозяйки. Но зевок застревал на полпути, а женская доля начинала приобретать новое звучание, когда взор их падал на нового, молоденького и неопытного участкового.

Да, Костя был симпатичным юношей. Не особо рослым и мускулистым, но выгодно отличающимся от местных несмываемым налетом внутренней и внешней интеллигентности. Но не внешние и внутренние качества участкового привлекали сельчанок в это раннее летнее утро. Их привлекало то, что вез через все село на ржавой, выдавшей виды тележке этот самый Константин Дмитриевич.

Упираясь в пыльную дорогу ногами и ежеминутно вытирая пот в высокого белого лба, вез он свою страшную находку в ФАП, пренебрегая всеми правилами ведения расследования.

Сказалась ли бессонная ночь, шок ли от серьезности первого преступления, свалившегося на него в этой скучной, как казалось, дыре, он сам не мог объяснить. И уже на полпути понял, что неправ. Но разворачиваться и везти труп обратно было бы еще неправильнее. Поэтому, мысленно костеря себя на чем свет стоит, Костя нес свою тяжкую ношу.

Картину завершал козел. Казалось, что из всей компании он единственный был доволен жизнью. Гордо неся свои рога, завершал он процессию. Шаг козла был легкий и четкий. Взгляд убеждал самых отчаянных в бесполезности попыток присоединиться к процессии.

Если бы у кого-нибудь была возможность наблюдать село с высоты птичьего полета, то этот кто-то наблюдал бы загадочную картину. По Но-Пасарану двигалась невидимая граница. Перед ней все было относительно тихо и спокойно. Редкие коровы задумчиво поджидали подружек, еще более редкие собаки лениво вычесывали блох. Зато за границей наблюдалось настоящее броуновское движение. Прилично вели себя только мудрые и равнодушные к суе земной коровы. Зато с женщинами и собаками творилась нечто невообразимое. Собаки с счастливым лаем пристраивались к процессии на почтительном отдалении от козла, часть женщин забегала к себе домой будить мужей, часть – в те дома, хозяева которых не выгоняли коров и не знали о последних событиях.

Это была пытка. Этого не проходили в школе милиции. Прекратить это безобразие не смог бы и Афиногенов Виктор Августинovich, седой и совсем старенький преподаватель замшелого возраста, бывший чекист, который еще раньше был сыщиком царской охраны.

Пытка закончилась только тогда, когда Костя добрел до ФАПа и сдал труп на руки бывшего фельдшера. Но и это было еще не все. Самое страшное ожидало Костю тогда, когда, вооружившись всеми средствами осмотра места преступления, он вернулся в орешник.

Орешник заметно поредел. Окрестности его напоминали кадры из эпизода с условным названием: «Крепостные идут по грибы, по ягоды». Там и тут мелькали пестрые сарафаны, слышались девичьи вскрики и мужской говорок. Над орешником витали тучи табачного дыма. Место преступления было вытоптано добротно и основательно.

Только через час, после испробования всех законных и незаконных средств, Комарову удалось изгнать варваров и оцепить место преступления. Улик было более, чем достаточно. Сигаретные бычки можно было грести лопатами, конфетные фантики изобиловали отпечатками пальцев, оторванные пуговицы могли сделать честь коллекции рачительной хозяйки, на поредевших, выломанных ветках орешника покачивались разноцветные клочки одежды. Про следы от ботинок и говорить нечего: на клубной танцплощадке их было меньше.

И только пятачок, где лежал труп, остался в неприкосновенности. Костя вздохнул и принялся за осмотр места происшествия, ограниченного, после визита всего Но-Пасарана, полутора квадратными метрами. Полчаса упорного поиска привели к тому, что кроме небольшой, впитавшейся в землю бурой лужицы Костя ничего не обнаружил. Кровь принадлежала, бесспорно, убитому, но все-таки Комаров взял небольшую пробу грунта: в криминалистике важно все! По обилию крови стало ясно, что усатый умер не от прямого удара в сердце. Вполне вероятно, что он вообще умер не сразу.

Кстати, личность его удалось установить быстро, еще в фельдшерско-акушерском пункте. Там же стало ясно, почему труп пролежал в орешнике почти сутки и его никто не хватился. Убитый, Куроедов Сергей Игнатьевич, жил один, работал на мелькрупкомбинате в должности младшего бухгалтера и ни с кем не общался. Причиной столь редкой на селе нелюдимости являлась судимость, которую Куроедов добросовестно отбыл в соседней колонии. Как и многие осужденные, которых никто не ждал дома, после получения свободы Сергей Игнатьевич остался жить в Но-Пасаране, вел себя тихо, прилично, ни с кем не дружил и не враждовал.

То, что Куроедов не имел врагов, было плохо. Сложнее было вычислить причину убийства. Костя вздохнул и решил заняться сбором и сортировкой лоскутов одежды со сломанных веток орешника, полурастоптанных бычков и оторванных пуговиц.

Когда сбор мусора уже подходил к концу, участкового привлек непонятный, едва уловимый шум в районе местонахождения трупа.

«Черт, неужели убийцу потянуло на место преступления?» – обрадовался Костя. Он лег на землю и постарался не сопеть. Характер шума в кустах был совершенно беззастенчивый. Вести себя так нагло не мог человек, сутки назад совершивший убийство. На всякий случай Комаров снял с предохранителя «Макарова» и по-пластунски, стараясь производить как можно меньше шума, пополз к подозрительному месту. Доползти он не успел. Из орешника показалась омерзительная, вся в буровой земле, морда Мальвины.

«Пришла в надежде пожить мертвечиной, – хладнокровно констатировал Костя, – ничего не нашла, но покопалась на месте кровавой лужицы».

Мальвина вела себя неадекватно. Выражение разочарования на ее мордашке смешивалось с алчным огоньком в крошечных, почти закрытых спутанными клочками шерсти глазках. Болонка оглянулась и, почти уткнувшись носом в землю, медленно пошла прочь от орешника. В высокой траве ее не было видно. Только напряженно приподнятый грязный серо-голубой хвост, нервно подрагивая, выдавал направление движения.

«Она же след берет», – осенило Костю.

Стараясь не спугнуть невольную помощницу, Комаров пополз следом. Ползти пришлось довольно долго. За вытоптанной но-пасаранцами зоной трава была более густой и высокой, чтобы не потерять из виду Мальвину, Косте приходилось часто поднимать голову. Когда он в очередной раз вынырнул из травы, кроме хвоста собаки его внимание привлекла не совсем заурядная травинка. На сочной зелени осоки темным пятном бурела застывшая капля.

«Кровь», – понял участковый.

Мальвина вела его по правильному следу. Сейчас он и сам стал замечать, что трава по направлению движения несколько примята, что размазанные и застывшие капли крови встречаются не так часто, как того хотелось бы, но достаточно для того, чтобы понять: то, что здесь волокли, было не мешком с комбикормом, а истекающим кровью человеческим телом.

– Мне бы свою, настоящую собаку, – тихо помечтал Костя, – вот мы бы дел наворотили! Надо Кирюхе написать, пусть в городском питомнике овчаренка присмотрит. А пока буду деньги откладывать. Хорошая служебная собака дорогого стоит.

Пока юноша мечтал о хорошей служебной овчарке, плохая декоративная болонка вывела его к краю села. Возле какого-то необычного сооружения Мальвина закружилась व्यюном, повизгивая от нетерпения и поднимая тучи пыли.

«Пора, – решил Костя, – а то и здесь следы уничтожит».

Уже не скрываясь, он встал в полный рост и направился к бьющейся в истерике болонке. Мальвина, увидев вчерашнего врага, перестала крутиться, замерла, приподняла верхнюю губу, обнажив розовые десны с белоснежными остренькими зубками и предостерегающе зарычала.

– Врешь, теперь врасплох нехватишь, – пригрозил Костя, погрозив агрессивной французке «Макаровым».

Но выросшая среди диванных подушек болонка или не знала, что такое пистолет, или пребывала в уверенности, что профессиональный защитник слабых не поднимет на нее смертоносное оружие. И быть бы новому участковому вновь покусанному, если бы не неожиданная поддержка в виде уже выручившего его раз козла.

Животное выросло, словно из под земли, в тот момент, когда злобная болонка уже приготовилась к прыжку. Козел угрожающе наклонил голову с убедительными рогами и стал медленно надвигаться в сторону агрессивного зверя. Мальвина только притворялась глупой собакой: в положении умственно отсталой легче было жить и творить всякие гадости. Но инстинкт самосохранения у нее был развит очень даже неплохо. Козел – не участковый, он думать о последствиях не будет. Произведя небольшую мыслительную операцию и сделав выбор, болонка приняла отсутствующий вид, с удовольствием почесалась и неторопясь направилась в сторону родимого дома.

Комаров облегченно вздохнул. Нет, он не боялся скандальной собаки, просто не хотел связываться с ней и ее не менее скандальной хозяйкой. Зато теперь путь был свободен. Мысленно поблагодарив появившегося так вовремя козла, Костя перелез что-то наподобие небольшого рва и подошел к интересующему его месту.

Да. Несомненно, преступление произошло именно здесь. Примятая трава, сломанный куст чертополоха, множество следов двух пар обуви и наконец, характерная бурая, впитавшаяся в землю, но еще заметная лужица.

Видимо, смертельное ранение было нанесено жертве именно на этом месте. Потом потерявшего сознание Куроедова отволокли в орешник, в надежде, что до поздней осени туда никто не полезет. Будь ранение менее серьезным, Куроедов смог бы выползти и спастись, но видимо, уже в орешнике он скончался, так и не придя в сознание. Именно здесь, где в ближайшие сутки не ступала нога местного человека, предстояло искать улики, указывающие на личность убийцы.

Комаров приступил к работе. Для начала он измерил длину следа ботинок, зарисовал узор на подошве, взял пробу грунта. Грунт мог пригодиться ему для сличения с грязью на

подошве обуви будущего подозреваемого. Вскоре коллекция пополнилась четырьмя окурками: тремя от «Примы» и одним – от «Парламента» и некрасивой черной пуговицей с четырьмя дырочками. Улики с этого места Комаров положил отдельно, чтобы не спутать с уликами из орешника.

Теперь можно было спокойно отправляться в отделение и начинать следующий этап расследования – опрос знакомых и соседей жертвы. Костя встал с четверенек и довольно потянулся. Ничего, не все так страшно. По крайней мере, он быстро нашел настоящее место убийства, что удастся далеко не каждому опытному следователю.

В городе Комаров четыре года занимался в секции самбо, тренер всегда хвалил его реакцию. Поэтому тихие, крадущиеся шаги за спиной и тень, упавшая на землю, не напугали его. Костя сделал вид, что ничего не заметил и продолжал потягиваться и приседать, будто главное, что привлекало его в жизни – это забота о собственных затекших мышцах. Когда незнакомец приблизился на недопустимо близкое расстояние, Костя резко развернулся и принял оборонительную стойку.

Но было уже поздно. Ему не хватило буквально какой-то доли секунды! Что-то схватило его за ворот куртки и подняло высоко над землей, поэтому разворот и стойку юноша сделал уже в воздухе. Зато теперь он мог видеть лицо врага. Да, такой мог убить. Прямо на Костю, из-за заросшего усами, бакенбардами, бородой и бровями лица с ненавистью смотрели маленькие черные буравчики глаз. Мясистый красный, в черных точках нос напоминал гигантского моллюска, неизвестно каким путем попавшего в эти заросли. А самое неприятное заключалось в том, что враг был нагло и откровенно могуч. Он держал Костю без видимых усилий и даже находил возможность рассматривать его.

– Я говорил, не суйся на мою территорию? – наконец спросил он.

– Не говорили, – честно ответил Костя.

– Тогда говорю, – коротко и ясно сказал незнакомец.

Он он немного тряхнул участкового и легко перебросил его через ров.

– Еще раз увижу, ноги выдерну, – спокойно пообещал он и развернувшись, зашагал прочь.

– Стойте, стрелять буду, – пообещал Костя. Именно эта фраза не раз выручала героев его любимых детективов.

– Из обреза? – остановился незнакомец.

– Из рогатки, – сострил Костя, продемонстрировав врагу «Макарова».

– Ну-ка, дай игрушку, – зашагал в сторону Кости амбал.

«А ведь и отнимет», – подумал Костя.

– Стоять, ни с места, вы арестованы, – вовремя вспомнил он безотказный комплект фраз для сыщика.

– А ты кто есть-то? – заинтересовался наконец незнакомец.

– Ваш новый участковый, младший лейтенант Константин Дмитриевич Комаров, – представился Костя.

– А-а-а, – протянул амбал почти дружелюбно, – а я – Семен Семенович Куркулев, пенсионер.

* * *

Семен Семенович Куркулев всю жизнь прожил со своей семьей на окраине села. В Нопасаране его не любили. Да и кто будет любить человека, который совершенно не интересуется ни последними сплетнями, ни тобой лично? Односельчане звали его лаконично: «Бирюк-на-окраине», перекидывали неприязнь к Бирюку и на его семью и дружно трепали ему нервы. А трепать было чем. Дело в том, что Куркулевы специально построили дом в двухстах метрах

от села. Они надеялись, что назойливые и нахальные местные жители не будут докучать им своим вниманием. Но Куркулевы были отвратительными психологами. Каждому двоечнику с факультета детской психологии известно, что то, что прячут и запрещают, привлекает гораздо больше доступного.

Ни двухметровые заборы, ни злые голодные кобели, ни недавно выкопанный крепостной ров не могли укрыть от пристального внимания соседей личную жизнь семьи Бирюка. Положение усугублялось тем, что супруга Семена Семеновича, во девичестве Собакина Вера Степановна, приходилась родной сестрой главному деревенскому сумасшедшему Коле-Болеро. Дурачков в русской деревне всегда любили, гордились ими, хвастались перед другими селами и давали любимцам затейливые и характерные имена. Коля-Болеро получил свое за особенности походки. Он все время ходил как бы приплясывая, на цыпочках, нрава был доброго и ласкового. Все любили Колю. Все, кроме родной сестры. Вера Степановна Колю не любила и стеснялась родства с ним, чем бестактные односельчане беззастенчиво пользовались.

Видимо, слабая голова в семье Собакиных была наследственной. Но у Елены Степановны сумасшедствие поехало немного в другом направлении. Мексиканские сериалы оказали свое губительное влияние на слабую психику женщины, и она возомнила себя героиней одновременно всех сериалов, в зависимости от того, какой шел в данный момент на экране.

Всю тяжесть своего положения Вера Степановна обрушила на мужа. Она заставила пристроить к их добротному кирпичному дому второй этаж, выстроить бассейн и завести прислугу. Против второго этажа Семен Семенович ничего не имел, за бассейн, скрепя сердце, взялся, а насчет прислуги стоял насмерть. Не хватало еще пускать в дом чужого человека и доверять ему хозяйство! Поэтому оба пошли на компромисс и в качестве прислуги пристроили собственную старшую дочь – Василису. Из старого форменного платья мамаша состряпала униформу, на девочку надели белый передничек и поварский колпак и повесили на бедняжку всю уборку и готовку в доме.

Василиса училась в десятом классе. Училась неплохо – а иначе и нельзя было.

– Ты не должна позорить честь семьи Куркулевых! – постоянно твердил ей отец, – это всякая шваль может таскать в дом тройки, а Куркулевы должны быть безупречны во всем и высоко нести знамя своей фамилии!

В общем, жизнь Василисы была не сладкой. Репутация семьи и запреты родителей сделали свое черное дело, и друзей у нее не было. Дома ее ждали только бесконечные поучения, упреки и работа.

Были в семье еще два сына, но они были маленькие, помогать сестре не могли, к тому же они были мальчики, а значит – продолжатели рода, поэтому и отношение к ним было не в пример лучше, чем к Василисе.

И все-таки, от судьбы не уйдешь и не отгородишься забором и рвом. Недобрый характер Куркулева сыграл с ним злую шутку. То, что убийство произошло на территории его тщательно охраняемой усадьбы, было фактом, то, что сам Бирюк неоднократно избивал нарушителей этой самой территории тоже не скрывали, а нехватка двух некрасивых черных пуговиц с четырьмя дырочками на синей рабочей куртке почти доказывала его присутствие на месте преступления. Подошва ботинок с характерным рисунком сплошь была забита землей, идентичной той, что Костя собрал с места преступления, а в кармане той самой синей рабочей куртки лежала начатая пачка «Примы».

* * *

День подходил к концу. С пастбища возвращались мудрые, равнодушные к суе человеческой коровы. Их совершенно не интересовало, как и за что Бирюк-на-окраине убил Куркулова. Они вообще философски смотрели на вопрос жизни и смерти. Каждая тварь божья при-

ходит в этот мир для того, чтобы выполнить свое предназначение, а выполнив его – уходит. Предназначение коров – кормить и согревать своими шкурами человека, хотя бы этого или нет. Бороться бесполезно, поэтому, вместо того, чтобы рассуждать и отвлекаться на разные мелочи, надо просто жить и радоваться каждой минуте этой жизни.

Суматошные и мелочные люди так не считали. Броуновское движение, начавшееся с раннего утра, не прекратилось и к вечеру. Каждый спешил первым сообщить новости, каждый желал обсудить их с как можно большим количеством людей.

Костя скрывался от любопытных но-пасаранцев в отделении. Закопавшись в конспекты, он старался абстрагироваться от кишившей за окном жизни и выстроить стройную линию обвинения. Доказательств было маловато. Да, Куркулев неоднократно грозился убить каждого, кто переступит границу его территории. Да, однажды он даже сломал руку одному из самых назойливых. Да, в недостроенном бассейне, около которого и произошло убийство, пару раз находили упавших туда заблудившихся коров, но не убил же он Костю, когда поймал, не убивал до этой поры никого другого... Подумать было над чем.

За окном было уже совсем темно. Народ успел насытиться обсуждением последних событий, и путь домой был практически свободен. Поджидал Костю только ставший уже назойливым козел. Комаров выяснил, что эта мелкая рогатая скотина никому из но-пасаранцев не принадлежит. Откуда он взялся в селе, люди не помнили, нрава козел был редкостно-самостоятельного, поэтому нового хозяина себе так и не нашел. То, что безнадзорная животица целый день хвостом бродила за новым участковым, не ускользнуло от бдительного ока народа. И молва единодушно постановила: зачислить козла в штат к участковому.

Козел тихо и кротко брел за тем, кого он выбрал, наконец, в хозяева. Костя несколько раз шикал на него, пытался даже стегнуть тонким ивовым прутком, но ничего не помогало. Если бы Комаров знал, что подобное непротивление злу – только маска, он никогда бы не пошел на поводу у своей доброты. Но он не знал.

– Ну что же с тобой делать, тварь божья? – задумчиво спросил он, потрепав тихое животное между рогами. – Черт с тобой, пошли, будешь жить у меня. Только чем кормить тебя – я не знаю. И как воспитывать – тоже. Так что – без претензий.

Некоторое время они шли молча. Козел, видимо, заметив что-то соблазнительное для своего желудка, немного приотстал.

– Козел, а козел, – тихо позвал Костя, – где ты там?

Козел не отзывался.

– Ну конечно, кто нормальный отзовется на «козла»! – вслух подумал Комаров. – Будешь у меня Мухтаром. И не обидно, и звучит мужественно.

Кто в этот тихий поздний летний вечер мог бы предположить, что ничейный беспризорный козел станет легендарной ищейкой Мухтаром?

Глава 3

Печной дед

Встал Костя, по своему обыкновению, рано. Ему вообще нравилось вставать под петушиные крики. В этом было что-то ритуальное, что-то колоритное, немного сказочное.

– Надо бы петуха поголосистее завести, – решил он. – Пусть вместо будильника вкалывает, а то соседских плохо слышно.

Мысль о щенке овчарки ушла куда-то далеко, в подсознание. Если бы кто сказал Константину, что неделя жизни в деревне сделает из него частного собственника козла и петуха, он поднял бы этого нахала насмех. Теперь же подлая мыслишка о том, что негоже оставлять будущего петуха без гарема, уже заюлозила в темных и непознанных глубинах загадочной мужской души.

Решив посоветоваться насчет петуха с квартирной хозяйкой, жившей в соседнем доме, Комаров принялся за работу. С помощью только дедуктивного метода невозможно было распутать это дело. Главная работа, как подозревал Костя, предстояла со свидетелями. А это значило, что сегодняшний день предстояло начать с визитов к соседям подозреваемого и погибшего, на место работы последнего и в исправительно-трудовую колонию, где отбывал срок Куроедов.

«Внешний вид работника государственного сыска, – вспомнил Комаров слова Виктора Августиновича, – должен подчеркивать его внутренние качества. Если следователь одет, как разгильдяй – значит и относятся к нему как к разгильдю. Если он одет, как шеф албанской разведки, то и доверяют ему как шефу албанской разведки».

Из лекций любимого преподавателя вытекало, что элементарным переодеванием и небольшой актерской игрой можно было достигать цели гораздо быстрее, чем сложными психологическими приемами.

После недолгих раздумий, Костя решил одеться строго и официально. Сельского участкового должны были уважать и побаиваться, а что, как не фуражка вкупе с кобурой внушает уважение и легкий мандраж? Тщательно побрившись и щедро плеснув на щеки одеколона, Комаров туго затянулся во все ремни, пристегнул кобуру и щедро набил папку официальными бланками.

Первый визит он решил сделать в колонию. Здесь проблем не возникло. Куроедова помнили плохо, сидел он немного, вел себя тихо. Срок Сергею дали за драку. Драка – как драка, обычные разборки между мужиками. Но пострадавший подал заявление, продемонстрировав вывихнутую челюсть и пару синяков, тут же наслоились нетрезвое состояние и ношение холодного оружия, которым Сергей не воспользовался, в общем, парня посадили. После отсидки он не захотел возвращаться в родной городок и осел в Но-Пасаране, чем и обрек себя на гибель.

Чуть больше сведений дал визит на постоянное место работы Куроедова. Секретарша директора мелькрупкомбината, увидев человека в форме, ойкнула и прикрыла рот рукой, будто она, по меньшей мере, радистка Кэт, а Костя – агент гестапо. Так она и сидела, пока участковый официальным тоном не потребовал провести его к директору. Директор побледнел при виде официальной формы и кобуры, и лишь когда Костя объяснил цель своего визита, глубоко вздохнул, залпом выпил стакан воды и предложил юноше присесть.

– Я, к сожалению, плохо знаю некоторых работников, – развел он руками. Меня, правда, предупреждали, чтобы не брал в бухгалтерию бывшего уголовника, но человеческая доброта, книги Макаренко, акции «Гринпис» просто вынудили меня не бросить камень в его огород.

– Кто конкретно предупреждал, чтобы вы не брали на работу Куроедова? – сделал пометку в блокноте Костя.

– Я не помню, люди, – у директора вытянулось лицо.

– Мне нужны фамилии этих людей, – строго потребовал Костя.

– Может, вы хотите побеседовать с работниками бухгалтерии? – начал торговаться директор.

Комаров понял, что ничего толкового и даже бестолкового в этом кабинете он больше не услышит.

Бухгалтерия оказалась довольно большим помещением со всеми удобствами. Здесь было все для комфортного существования в течении длинного рабочего дня. На электрической плитке, в предвкушении скорой кончины, злобно шипела картошка в сметане, на экране старого телевизора «Электрон» извивались в страстных объятиях герои очередного аргентинского сериала, работники дружно коротали время в ожидании «перекуса перед обедом».

Костя очень не любил отрывать людей от дел и от отдыха. Но положение обязывало. Если сразу создать себе имидж робкого и стеснительного служителя закона, то от этого клейма не отвяжешься всю оставшуюся жизнь. Так, по крайней мере, обещал Виктор Августинovich.

– Кто здесь главный? – забыв поздороваться, рывкнул Комаров.

– А кого надо? – лениво, не оборачиваясь, ответила женщина с мясистой спиной и затылком с войлокообразными завитушками.

– Главного бухгалтера, – послушно ответил Костя.

– Ну, я главный бухгалтер, – обернулась женщина.

С лица женщина была еще неприятнее, чем со спины. В ее физиономии не было ничего уродливого, лицо – как лицо, но цепкий, пронизывающий буквально насквозь взгляд неопределенного цвета глаз, тесно сжатые тонкие губы, тройной, рыхлый подбородок создавали картину не просто необаятельную, а чрезвычайно отталкивающую.

Выражение лица немного изменилось при виде собеседника. Правда, не в лучшую сторону. Видимо, бухгалтерша попыталась улыбнуться, по крайней мере, тонкие губы растянулись и стали еще тоньше, обнажив два ряда золотых зубов.

– Анфиса Афанасьевна, – почти ласково представилась она, – рада буду служить.

– Участковый Комаров Константин Дмитриевич, – не остался в долгу Костя. – Я по делу об убийстве в орешнике.

Компания бухгалтеров обрадовано вскочила и вразной заташторили:

– Ужас, ужас, просто ужас какой-то, я всю ночь не спала, – причитала молоденькая, с плутоватыми глазами и яркими веснушками.

– Я чувствовал, что этим дело кончится, – сурово вещал средних лет дядечка, – давно должно было это произойти, так просто не могло все оставаться.

– Ти-хо, – скомандовала Анфиса Афанасьевна. Все по местам! Говорить буду я и Константин Дмитриевич. А когда я говорю – все должны умолкнуть!

Видимо, такой тон считался хорошим тоном в этой сплоченной компании. Все живо расселись за свои столы, конопатая приглушила громкость телевизора, а дядечка включил чайник.

Костя, не торопясь, достал из папки протокол опроса, заполнил шапку и задал первый вопрос конопатой, которая назвалась Светкой Рябушкиной.

– Что вам известно по этому делу?

– Да все, – гордая тем, что ее спросили первой, смело ответила она.

– Говорите конкретно, – обрадовался обнадеженный Костя.

– Бирюк-на-окраине убил Сережу за то, что он залез к нему за шампиньонами, убил ножом в сердце и спрятал в орешнике. Сережу жалко, а Бирюка вы хорошенько накажите, чтобы неповадно было! И бассейн свой пусть закопает, в прошлом году мамина Ночка в нем ногу сломала!

– Из каких источников вам известно о причастности Куркулева к убийству? – задал следующий вопрос Комаров.

– Чего? – не поняла конопатая.

– Я спрашиваю, кто донес до вас данную информацию?

– Кто тебе все это набрехал? – помог Косте дядечка.

– А-а-а, – дошло наконец до Светки, – да все говорят. У любого спросите.

– Перечислите имена и адреса всех граждан, кто набрех... рассказал вам о виновности Куркулева.

– Маринка Зацепина, – загнула палец конопатая, – Танька Славина, Ирка Прудникова, Инка Афиногенова, Людка Буцкая, Ирка Новичкова, Элька Чеснокова...

– Подождите, я не успеваю, – попросил Костя.

– Да не слушайте вы ее, – добродушно пробасил дядечка, наливая и подавая Косте крепкий, ароматный чай, – ничего путного она вам не скажет. Болтают девчонки между собой, собаки лают – ветер носит.

– И правда, – поддержала его Анфиса Афанасьевна, – не слушайте вы эту пустобрешку. Иди-ка, лучше, отнеси директору накладную, – приказным тоном велела она конопатой.

Девушка надула губы и резко выхватила из рук главбухши протянутую ей папку.

– Стойте, – остановил их Костя, – я должен все зафиксировать.

Он добросовестно записал имена и адреса бесчисленных подружек конопатой и только после этого отпустил ее к директору.

– Смирнов Иван Васильевич, – представился дядечка, – начальник горохового цеха.

– Я думал, что вы – тоже бухгалтер.

– Да нет, это я к девочкам на картошечку забежал, – хихикнул Смирнов, потирая руки, а вообще мой цех – во-о-он стоит, – он почти насильно подвел юношу к окну и заставил его во всех подробностях разглядеть цех.

Начальник горохового цеха дал участковому, не в пример конопатой, довольно ценную информацию. Он не спешил с выводами, не обвинял Бирюка, дал суховатую, но детальную характеристику Куроедову. Некоторые моменты особенно заинтересовали Комарова. Так, любопытным показался Косте тот факт, что мужчина с подмоченной репутацией пользовался симпатией у женской половины Но-Пасарана и что он был заметно жаден на деньги.

– Вы человек на селе новый, – протягивая на прощание руку, предложил Смирнов, – не знаете тонкостей и обычаев местной жизни. Если будут трудности – приходите, чем смогу – помогу. Цех вы теперь мой знаете, кабинет вам любой покажет. И еще раз прошу: не больно-то верьте но-пасаранцам. Мы несколько предвзято и необъективно относимся к людям и событиям. Мне тоже не нравится Куркулев, но вот чтобы убить за нарушение территории... Сомнительно, даже в состоянии аффекта. До скорого свидания.

И начальник горохового цеха крепко пожал Комарову руку.

– Вы закончили? – главбухша вплотную подошла к Косте и дыхла на него смесью лука и молока, – картошка простынет.

Костя совсем забыл о Анфисе Афанасьевне, хотя забыть о такой крупной и приветливой женщине было сложновато. Зато она не забыла о нем. Все время беседы со Смирновым она пристально разглядывала нового участкового, словно стараясь решить для себя какой-то жизненно важный вопрос.

– Мне бы хотелось поговорить и с вами, – обратился Костя к главбухше.

– Давайте после картошечки? – попыталась соблазнить его женщина.

– Я на службе, не положено, – строго ответил Костя.

Виктор Августинович строго-настрого предостерегал насчет взяток, будь то стакан самогона или тарелка картошки. Пока Костя не разобрался, кто в Но-Пасаране его друзья, а кто – враги, осторожность должна быть предельной.

– Хорошо, – согласилась Анфиса Афанасьевна.

Она оглянулась на Смирнова, увлекшимся происходящим на экране «Электрона» и, наклонившись к самому уху юноши и придавив его своей тяжелой грудью, жарко зашептала в самое ухо:

– Приходите сегодня вечером ко мне домой. У меня есть ценнейшая информация по поводу убийства. Здесь сказать я вам ничего не могу: слишком много любопытных ушей. А дома, так сказать, в конфиденциальной обстановке, я вам все расскажу.

– А с кем вы живете? – заподозрил неладное Костя.

Наставник предостерегал, что попытки соблазнения в целях сбивания с правильного пути могут встречаться в самых неожиданных ситуациях и с самой неожиданной стороны.

– Ой, шалун, – залилась, похрюкивая от удовольствия, главбухша, – зеленый совсем, а туда же! Ничего у тебя не выйдет. У меня ревнивый муж и дети... Но все равно приходи, не пожалеешь.

Костя знал, что методы ведения расследования в сельской местности серьезно отличаются от методов расследования в черте города. И если сначала он хотел пригласить Анфису Афанасьевну в отделение, то теперь решил навестить ее дома. Кто знает, какие результаты мог принести этот визит? Главбухша в подробностях объяснила ему, как найти ее дом и для страховки посоветовала:

– Если заплутаетесь, спросите Анфису Афанасьевну Белокурову. Меня тут всякий знает.

«Белокурова, – подумал Костя, – где-то я уже слышал эту фамилию».

«Подходит, – решила Анфиса Афанасьевна, – очень даже подходит».

* * *

Опрос соседей и родственников Куркулевых и Куроедова ничего нового не дал. Собственно, родственников-то у них и не было. Нельзя же считать Колю-Болеро родственником! О том, что недееспособных граждан нельзя привлекать в свидетели, проходили еще на первом курсе, Костя это очень даже хорошо усвоил.

Соседи не скрывали своего злорадства по поводу ареста Бирюка и в один голос божились, что именно он, а не кто другой истинный убивец. О погибшем тоже ничего интересного сказано не было. Кроме того, что мужик он был себе на уме и довольно нелюдимый. Но людей не чурался, всегда охотно помогал, когда его об этом просили, и не менее охотно мог раздавить бутылочку в хорошей компании.

Дома Костя отпечатал повестки подругам конопатой Светки Рябушкиной и отнес на почту, попросив почтальона сегодня же разнести их по адресам.

День уже клонился к вечеру, расследование почти не продвинулось, а еще предстояло нанести визит Белокуровой. Кстати, где же он слышал эту фамилию?

– А не родственница ли эта главбухша той самой медсестры, Калерии, кажется? У той тоже вроде белобрысая фамилия была?

– Ага, – вдруг опять крякнул уже забытый невидимка.

– Ну, нет, – взвился Костя, – теперь никто мне не докажет, что это звуковые галлюцинации. И если я сейчас не найду этого сверчка говорящего, то поверю в домовых. Честное благородное слово!

Так как сверчок производил впечатление существа вполне мирного, то Костя решил, что пистолет ему не понадобится. Кроме того, сверчок производил впечатление существа нереального, а против нереальных существ с оружием идти было глупо, это он знал из ужастиков.

Против нереальных существ у Кости было другое оружие.

Дело в том, что мудрый Виктор Августинович учил своих подопечных не только стандартным приемам ведения дела. Втайне от начальства, для самых любимых учеников, старый чекист вел незанесенный в расписание факультатив, где учил питомцев элементам гипноза

и экстрасенсорики, определению характера и склонностей человека с помощью хиромантии, физиогномики и графологии, владению невербальными способами общения.

Педагог так же до смешного свято верил в возможности рамки. На одном из занятий студенты сами смастерили персональные рамки и даже провели практическое занятие по определению хороших и дурных мест в аудитории.

Вот и сейчас Комаров решил воспользоваться помощью той самой, собственноручно смастеренной им рамки. Он быстренько нашарил ее в полупустом чемодане и, подождав, пока та уравновесится, медленно пошел вдоль стен против часовой стрелки. Рамка висела ровно, почти не двигаясь, сигнализируя о безопасной, в плане нечистой силы, обстановке Костиного жилища. Благополучие царило почти везде.

– Врешь, не уйдешь, – злорадно шептал Костя, стараясь дыханием не потревожить чуткий к воздушным течениям инструмент, – все равно я тебя найду. От рамки Афиногенова еще никто не уходил!

То ли испугавшись Комаровских угроз, то ли со скуки, но нечистая сила решила пойти на попятную. Для начала она толкнула рамку, и та завращалась, как бешенная, потом зашвырнула в участкового откуда-то сверху выдавшим виды треухом.

– Ага, попался, – закричал Костя, отбиваясь от шапки, – сдавайся, все равно я тебя нашел!

– Шапчонку-то верни, – ничуть не испугавшись, ответил нечистый.

– А ты покажись сначала, – потребовал Комаров.

– Да старый я, сил нет лишний раз с печи слазить, – заныл нечистый.

– Так ты на печи, – обрадовался Костя.

Всю жизнь проживший в городе, он никак не подозревал, что русская печь имеет в своей конструкции довольно вместительный пустой отсек в верхней части. Он видел, конечно, занавесочку, но никак не мог подумать, что за ней скрывается полое пространство. Ему казалось, что яркий лоскут ткани служит в роли декоративного элемента, прикрывая верхнюю часть печи. Теперь же местонахождение назойливого сверчка или домового было раскрыто.

Юноша птицей взвился по приступочкам на печи и резким движением отдернул занавеску. Пока глаза привыкали к полумраку, царившему там, он видел только бесформенную груду тряпья. Но вот груда начала приобретать характерные для человеческого существа очертания, то, что спервоначалу Комаров принял за мочало, оказалось длинной спутанной бородой, два белых валенка валялись не сами по себе, а с ногами.

– Шапчонку-то подай, – снова потребовала груда.

– Ты кто? Как сюда попал? На кого работаешь? Цель проникновения в помещение? – завалил существо вопросами Костя.

– Вот балаболка-то, – вздохнуло существо, – ну никакого покоя в доме не стало! И говорит, и говорит, и говорит, и говорит, пенсионеру и отдохнуть некогда.

– Попрошу отвечать на поставленные вопросы! – рявкнул юноша.

– Да живу я здесь, отцепись, репей такой, – с досадой ответил дед, а Костя уже начал понимать, что существо больше похоже на вполне реального деда, чем на сверчка, домового или вражеского агента.

– Как живешь? – не понял Костя, – здесь я живу. А хозяйка – в соседнем доме, рядом. Она мне не говорила, что со мной еще квартирант жить будет.

– Ох, до чего вы, молодые, суматошные, – вздохнул дед, – видать, только в могиле от вас укроетесь. От снохи сбег, думал, отосплюсь, а тут ты, как жук навозный колдобродишь. Хорошо, хоть днем уходишь. А то от бормотания твоего голова раскалывается.

– И давно ты тут живешь? – начал что-то понимать Костя.

– Да опосля войны, как этот дом сложил. Вернулся с Берлину, да и сложил. Мне еще служивые помогали. Сначала, говорят, тебе, батяня, построим, потом – себе будем.

– Батяня, – тихо повторил Костя, – так сколько же вам было, когда вы с войны вернулись?

– Много, – чуть подумав, ответил дед, – сыны уж своих сынов имели.

– Ни фиги себе, – присвистнул Костя. – Так вас, наверное ищут. Сноха, или еще кто.

– Пушай, поищет, – злорадно ответил дед, – она мне бочками кровушку повыпила, теперче я ей буду. Да я уж и не впервой убегаю. И в лесу жил, и на поезде в Ташкент в собачьем ящике ехал, и топиться пробовал, не отстает, зараза. Споймает и воспитует, воспитует. Деток-то бог не послал ей, вот на мне материнскую любовь свою и вымещает. Теперь на тебя глаз положила. Ты ей, главное, воли не давай! Если раз прикрикнет, а ты не ответишь, считай – пропала твоя душенька. Я вот жалел ее и дожалелся. Ну, ничего. Это раньше я один действовал, а теперь у меня сообщник есть. Теперь мне легче укрываться будет. Не выгонишь?

– Не выгоню, – заверил его Костя, – а как же вы так долго на печи существуете? Питаетесь? Другие нужды справляете?

– А мне много и не надо, – охотно ответил дед, – когда морковку со стола стяну, когда молока из крынки глотну, вот и сыт. Главное, чтобы спать давали.

– Так ты вроде как законсервированный какой-то, – с удивлением, граничащим с восторгом, прошептал Костя.

– Это как в банке килька? – спросил дед, – ну да, навроде того.

Шум в сенях прервал содержательный разговор двух квартирантов.

– Браток, не выдай! – живо вскрикнул дед, задернул занавесочку и быстро, как крот, закопался в свое тряпье.

Пришла квартирная хозяйка. Костю сразу определили к ней на постой. Хозяйка была в возрасте, годов семидесяти, женщина аккуратная и хозяйственная, к Косте относилась как к сынку, занявшему высокую должность, с оттенком уважительного панибратства. С появлением нового жильца ее статус в Но-Пасаране поднялся на новую, довольно заметную высоту, так что жильца она любила и холила.

Еще вчера Комаров, впавший в уныние из-за отсутствия в селе общепита, договорился с хозяйкой о том, чтобы она взяла на себя ведение его холостяцкого хозяйства, за отдельную плату, конечно. Та с радостью согласилась и в данный момент принесла жильцу кастрюльку с горячими, духовитыми щами.

– Здравствуйте, Анна Васильевна, – преувеличенно-радостно поздоровался Костя.

– Вот, щец тебе принесла, – широко улыбнулась хозяйка.

– Спасибо, – еще более широко оскалбился Костя.

Анна Васильевна поставила кастрюльку на стол и принялась.

– Что-то у тебя дух какой-то тяжелый, – сказала она подозрительно, – мужской. Курить, что ли начал?

– Да, – не подумав, согласился Комаров.

– Это ты зря, – посуровела хозяйка, – я свекра родного за курево со свету сжила, и тебя сживу. На работе – пожалуйста, а что бы в хате – ни-ни! Понял?

– Чего ж непонятного, – пожал плечами Костя, – конечно, понял.

– То, что Бирюка арестовал – молодец, народ одобряет, – немного помолчав, выдала хозяйка. – Давно пора хвост ему прижать. Уж больно заносчивый, людей не уважает, к мнению не прислушивается.

– А при чем здесь это? – не понял Комаров, – Куркулев задержан по подозрению в убийстве, а не за то, что к народному мнению не прислушивается.

– Это как поглядеть, – не согласилась Анна Васильевна, – ежели бы он вел себя по-людски, то кто тебе позволил бы его за другого в тюрьме гноить? А раз строит из себя графа Монте-Кристо, то пусть на справедливость и не рассчитывает.

– Стойте, – прервал поток Комаров, – вы так уверено говорите о невиновности Куркулева и виновности «другого», что создается впечатление, что вы знаете истинного убийцу.

– Кастрюльку помоешь и на крыльце оставишь, – заторопилась Анна Васильевна.

– Нет уж, подождите, – потребовал Комаров.

– Ой, всплеснула руками хозяйка, – да у меня молоко убежало!

Еще раз прошупав углы глазами и кинув недоверчивый взгляд на печку, она выбежала, громко хлопнув дверью.

– Выходите, – разрешил Костя печному деду, – ушла.

– Эх, грехи мои тяжкие, – застонал дед, слезая с печки, – и за что Боженька этого демона в юбке на седины мои послал!

Только сейчас Комаров хорошенько рассмотрел печного жителя. Дед был настолько дряхл, что напоминал более сказочного лешего, чем человека. Длинные седые волосы создавали единое целое с бородой, кожа на руках и щеках более напоминала тонкий древний пергамент. Но больше всего поразили Комарова глаза и валенки деда.

Глаза деда совсем не выдавали его замшелого возраста. Из под блеклой, спутанной седины, упавшей на лицо, просто бил яркий синий свет совсем молодых и плутоватых глаз. Обычно синие глаза быстро теряют краски, выцветают, словно подергиваются мутноватым туманом, а у Деда-с-печки они были совсем другие, словно сбрызнутые прохладной небесной влагой.

А валенки... Валенки просто убивали своим контрастом с глазами. Сначала Костя даже не понял. На тупых носках дедовой обуви торчало нечто неопределенное, острое, непонятное. Комаров долго рассматривал необычные украшения, не решаясь спросить деда об их назначении.

– А это ногти, – правильно понял печной житель его молчание. – Стариков тело не греет, зимой и летом приходится валенки носить, я уж и забыл, когда в последний раз свои снимал. Вот ногти и пробili себе дорогу на волю, как ростки через асфальты. Думал сначала спилить как-нибудь, а вижу – так удобнее, валенки не спадают, вот и оставил. Тебя не очень шокирует?

Костю это настолько шокировало, что он не задался вопросом, откуда этот законсервированный дед знает слово «шокирует», только молча и неопределенно мотнул головой.

– А скажите, – задал он еще один мучивший его вопрос после того, как обрел дар речи, – когда вы говорили со своей печки «ага», вы просто так это говорили, или по делу?

– Знамо, по делу, – обиделся старик, – страсть как пустомель не люблю!

– Да откуда же вы знаете о том, что творится в Но-Пасаране?

– А от тебя. Как домой не придешь, все и выкладываешь подчистую. А я уж нализирую, да поддакиваю, когда необходимость возникает. С детства до всяких путаниц охочь. Кстати, насчет путаниц. Как пойдешь к Белокуровым, не забудь захватить бутылочку портвейна и букет цветов какой-никакой. У нас так принято.

Глава 4

Незнание местных законов не освобождает от ответственности

Ровно через час Комаров стоял перед домом Белокуровых. Еще по дороге его несколько тревожили выразительные взгляды и перешептывания за его спиной встречных но-пасаранцев. Впрочем, знаки повышенного внимания он уже привык списывать на счет привыкания к новому участковому, поэтому не особо обращал на них внимания, а новый всплеск интереса к своей персоне объяснил интересом к взбудоражившему село преступлению.

Дом был большой, добротный, красивый. Не успел Комаров поднести руку к кнопке звонка, как дверь гостеприимно распахнулась, и на крыльцо высыпала толпа разновозрастных пестро одетых ребяташек.

– К Калерии пришел, – сказал один, пристально разглядывая Костю.

– Да не, этот к мамке, по делу, я сама слыхала, как она велела папке чистые носки надеть, – опровергла его версию сестренка.

– Вы к кому? – серьезно спросила третья, самая старшая девочка.

– К Анфисе Афанасьевне по делу, – строго сказал Костя, чувствуя себя полным идиотом с этим дурацким букетом.

– Знаем мы ваши дела, – усмехнулась девочка, выразительно глядя на букет и бутылку.

«За кого они меня принимают? – злился Комаров, – знал бы Виктор Августинovich!»

Наконец за неприступной границей из детей выросла крупная фигура их мамы. Увидев цветы, она ярко и неравномерно зарделась, глаза ее подернулись влагой, а нос моментально покраснел и распух.

– Милости просим, – попыталась низко, насколько позволял живот, поклониться она.

Робея и злясь на себя за дурацкий вид и неприятно-радушный прием, Костя переступил порог дома. В большой, ярко обставленной комнате уже был накрыт стол. В больших хрустальных салатницах горками высились национальные русские винегрет и оливье, отдельно громоздились котлеты и курятина, все свободные места заняли вазочки с разнообразными закусками. В центре, как и положено в порядочном обществе, высилась антикварная бутылка самогона.

«Ого, – подумал Костя, – я такую только в кино про неуловимых мстителей видел!»

– Усаживайтесь поудобнее, – суежилась Анфиса Афанасьевна.

– Извините, – решил взять инициативу в свои руки Комаров, но я не за тем сюда пришел, мы договаривались поговорить об интересующем меня деле.

– Как не за тем? – опустила руки хозяйка, – а букет зачем, а портвейн?

«Приду, отпилю ногти у этого злодея», – решил Костя.

А пока дед был недоступен для связи, приходилось выкручиваться самому.

– Цветы и вино из уважения, а на что вы намекаете, я не понимаю, – насупил брови Комаров.

– Ой, забавник, – расхохоталась хозяйка, – люблю остроумных мужчин! Ну, о деле – так о деле. Начинать всегда надо с неприятного.

Анфиса Афанасьевна выгнала из комнаты домочадцев, и хрумкнув прихваченным со стола огурцом, начала:

– Вы понимаете, что то, что я вам скажу – чисто конфиденциально, не для протокола, только как своему. Я неплохо отношусь к Куркулевым и мне не нравится травля, которую устроили завистники возле их имени. Люди не любят, когда кто-то хочет жить по-человечески, – горько вздохнула она, – нам вот тоже завидуют. Шутка ли, столько детей, а дом – полная

чаша, всегда колбаса на завтрак, три сервиза «Мадонна» прикупили. У девочек приданое как ни у кого в Но-Пасаране, одних пледов китайских по четыре штуки.

– Можно про Куркулева? – попросил Костя.

– Ах да, конечно. Так вот, не знаю, поможет ли это делу, но у Сережки, у убитого, был роман. Роман нехороший, непорядочный, с непутевой одной местной. Бабенка эта, Ленка, настоящая шалава, а мужик у нее золотой, деньги все в дом, все в дом, а из дома – ничего. Так вот Федя этот, который муж, недавно в нетрезвом состоянии божился, что обоих порешит, если еще раз застукает. Это все знают. Я ничего не имею в виду, но и молчать не могу, видя неторжество справедливости.

– Та-а-ак, – протянул Комаров, – если вы говорите, что про роман Куроедова и Елены..?

– Федорчук, – услужливо подсказала ему Белокурова.

– Федорчук, – повторил Костя, – знали все, то почему никто даже не обмолвился об этом? Ревнивый муж – первый, на кого должно было пасть подозрение, а все в один голос твердили о Куркулеве.

– Да я же разъяснила, – всплеснула руками Анфиса Афанасьевна, – Куркулева не любят, а Федорчук – золотой мужик. Зачем же людям его засаживать? Я-то и то рассказала по-родственному, как заинтересованное лицо. Мне же важно, чтобы у зятя раскрываемость преступлений была высокая.

– Какого еще зятя? – не понял Костя.

Что-то он не помнил, чтобы кроме него в Но-Пасаране был работник милиции.

– А я вам еще не сказала? – опять зарделась пятнами Белокурова, – мы согласны.

– Да на что вы согласны? – заорал от наплыва нехорошего предчувствия Комаров.

– На ваш брак с Калерией, дети мои, – всхлипнула Анфиса Афанасьевна.

Далее все было похоже на дурной сон. Костя деликатно пытался объяснить, что и не собирался делать предложения Калерии, Белокурова кричала, что букет и портвейн – признак сватовства – видело все село, и если после этого Комаров не женится на девушке, то она будет навек опозорена, ворвавшиеся в комнату Калерия и маленький, жалкого вида человечек, по-видимому, глава семьи, пытались уладить конфликт силой и уговорами. В какой-то момент Калерии удалось зажать мать в угол. Человечек, умоляюще прижав к груди руки, взмолился тихим голосом:

– Бегите, бегите, долго продержат мы ее не сможем.

Костя прорвался сквозь кольцо обступившей его ребятни и выскочил на крыльцо. Появление его было встречено неодобрительным гулом множества голосов.

– Эх, жаль, рано вырвался, – выделился из общего гула один голос.

– И без побоев, – поддержал его другой.

– А может, сговорились? – выразил надежду третий.

О том, что он неправ, во весь голос заявила Костина форменная фуражка. Она вылетела из приоткрывшейся двери и со свистом полетела в толпу, сшибая по пути головы молодых подсолнечников.

– Не сговорились, – подытожил четвертый.

– Ты меня еще не знаешь, – грохотал между тем голос Анфисы Афанасьевны, – ты труп, ты еще на коленях умолять будешь, чтобы Калерию за тебя отдали, ты попомнишь, как с сельскими авторитетами связываться!

Толпа одобительно зажужжала.

– Стакан ставлю за Анфиску, – услышал Костя уже знакомый голос.

– Шустрый какой, – не поддержали его, – дауну ясно, что изживет она нового участкового. Вот если бы ты на него поставил, – другое дело. Я бы с тобой еще поспорил. А так – дудки.

Уже не прислушиваясь к обсуждению своего позорного бегства, Костя начал пробираться сквозь плотно сгрудившуюся толпу. Как ни опускал он глаза, как ни старался смотреть в землю,

взгляды но-пасаранцев: иронические, сочувствующие, злорадные – бор-машиной сверлили ему сердце, будоражили душу, терзали совесть. Внезапно кто-то взял его за руку и вывел из казавшейся бесконечной толпы. Комаров поднял глаза и узнал начальника горохового цеха.

– Эх ты, горемыка, – посочувствовал Смирнов, – как же тебя угораздило, не посоветовавшись с людьми, явиться в дом незамужней девицы с цветами и портвейном? Да тут же слов не надо, что бы понять, что ты свататься пришел!

– Не знал я, – буркнул Костя.

– Не знал, – передразнил его Смирнов, – а на то люди в селе есть, чтобы советы спрашивать. Вот меня возьми: я к милиции – со всем уважением! Всегда, чем смогу – помогу. Да я уже и говорил вам.

– Много вас тут таких, доброжелателей, – недовольно сказал Костя. Он никак не мог примириться с предательством Деда-с-печки. – А что же вы сразу не сказали, что у убитого была связь с местной гражданкой? Почему только одна Белокурова из всей деревни рассказала мне о их романе?

– Ну, во-первых, – крикнул Иван Васильевич, – не называйте Но-Пасаран деревней. Это не деревня, а совхоз.

– Да какая разница!

– Очень большая разница. Если хотите нанести местным жителям смертельное оскорбление, то можете проигнорировать мой совет, но мне лично кажется, что еще одно оскорбление может быть роковым.

– А почему еще одно? Что вы имеете в виду?

– Оскорбление семейству Белокуровых – раз. Вы сами не понимаете, что натворили. Калерия до сих пор не замужем только потому, что все кандидаты кажутся ее мамаше недостаточно достойными ее дочери. Вы – первый за многие годы, кого она удостоила этой чести. Уж не знаю, чем вы приглянулись ей. Может, должностью вашей соблазнилась, а может, интеллигентная внешность роль сыграла. Так или иначе, если она запланировала вас в зятя, то выхода у вас два: жениться на ее дочери или тихо и добровольно сойти в могилу. И второе: кто научил вас рассылать честным людям повестки?

– В школе милиции научили, – послушно, как на семинаре, ответил юноша.

– Да вы хоть понимаете, что на человека, которому вы прислали официальную повестку, теперь ложится клеймо уголовника? Вы знаете, что в семьях Зацепиных, Афиногеновых, Буцких, Новичковых, Рябушкиных, Прудниковых и Славиных сухари сушат?

– А это кто такие? – опешил Костя, – они что, все виновны в убийстве?

– Это девушки, которые вместе со Светкой Рябушкиной трепались об убийстве и которыми вы послали повестки. Почтальон разболтал на все село, девушки из домов выходить боятся, мальчишки в них тухлыми яйцами кидаются, а старухи «ужо вам, душегубицы», вслед кричат. Для маленького населенного пункта повестка равняется признанию виновности.

– Чушь какая, – фыркнул Костя, – в процессе дознания опрашиваются десятки свидетелей, и все они вызываются повестками. Так нас учили в школе милиции, да это и любой дилетант знает. Они что, детективов не читают?

– Читать-то читают и даже по телевизору смотрят. Но одно дело, когда известный артист на экране получает повестку. Люди знают, что все это неправда, и даже если этот самый артист играет преступника, все равно это только игра. А повестка в доме соседей, да еще для болтливой двадцатилетней девчонки – это просто катастрофа. Ее же теперь просто замуж не возьмут, а если возьмут, то свекровь до гробовой доски тюкать этой повесткой будет!

– Чушь! – рубанул Костя воздух. – Полная чушь! И бороться с этой чушью я буду насмерть! И традиции ваши динозавровские менять!

– Дай тебе Бог, – с сомнением покачал головой Иван Васильевич, – дай Бог.

Косте стало стыдно. Ведь знал, когда ехал в деревню, что трудности будут. И связаны они будут именно с особенностями провинциального уклада и местной морали. А теперь строит из себя этакое аристократа в белых штанах: так не должно, так не положено, нас не предупреждали! Иван Васильевич пытается ему помочь, а он...

– А вообще, спасибо, – тихо поблагодарил Комаров, – вы мне немного помогли разобраться в обстановке. Ничего, если я буду иногда забегать?

– Конечно, конечно, – довольно потер руки Смирнов, – с детства мечтал стать следователем. Да вот не получилось. Застойные годы насытные были, а я старший в семье. Надо было помогать родителям кормить сестренку. Вот и пошел в гороховый цех. Там и проработал всю жизнь. Теперь горох мне – как родной, я без него – никуда. Он меня начальником сделал. А вообще, приходите, конечно. По поводу ведения дела я помочь не смогу, а о местных особенностях и традициях порасскажу немало. И, раз уж зашла об этом речь, настоятельно рекомендую отменить вызов девиц на допрос. Умнога они ничего не расскажут, только голову задурят. Я, конечно, не настаиваю, но поверьте старику: пройдите по домам и извинитесь за ложный вызов. Вам зачтется, и честь девиц восстановите. Ну, пойду я. Раз мы теперь вроде как в стогоре, негоже, чтобы нас часто вместе видели.

Костя долго смотрел вслед пожилому, но еще крепкому и статному начальнику горохового цеха. Есть же на свете добрые люди, для которых помощь ближнему – не пустой звук!

* * *

Дома Комарова ждал неприятный сюрприз. На высоком крыльце сидела группа молчаливых дам среднего возраста, ожидающая явно нового участкового.

– По какому поводу, гражданки? – строго, но доброжелательно поинтересовался Костя.

Было уже поздно. Единственное, чего он желал больше всего на свете, это перешагнуть порог дома и оказаться в своей городской квартире. Из кухни пахнет пельменями, Кирюха сидит за компом, кот Сволочь спит на Костиных джинсах, как всегда, брошенных на кресло. И меньше всего ему хотелось общаться с этими милыми женщинами с колючими, не улыбающимися глазами.

«Я этого хотел, – повторил Комаров ставшее привычным заклинание, – я это и получил».

– Мы по поводу девочек, – ответила ему, наконец, самая строгая из гражданок. – Хотим разъяснение получить, как нам теперь людям в глазаньки смотреть и не ты ли, гражданин начальник, сироток наших в жены возьмешь.

«Начинается», – понял Костя. Прогнозы начальника горохового цеха сбывались.

Мифический аромат пельменей уходил стайкою наискосок в неведомые дали, в сумерках медленно таяли образы Кирилла и Сволочи. Хотелось плакать и грязно ругаться.

– Бабоньки, милые, – взмолился Костя, подобно хрестоматийному Давыдову из «Поднятой целины», – ну не хотел я позорить дочек ваших. Простите, если можете. Не местный я, обычаев ваших не знаю. Ну хотите, завтра же публично челом бить буду всем девицам Но-Пасарана, во главе с Калерией Белокуровой? Или замуж всех разом возьму? Ну, попал впро-сак. А вы в городе не разу не ошибались? И вообще родились мудрые и опытные?

В группировке женщин кто-то глубоко, прерывисто вздохнул:

– Да и то: что с него взять-то, мальчишечка совсем. Только сиську мамкину бросил, а его туда же – убийцев задерживать. Вот времена-то пошли!

– Пойдемте, бабоньки, хватит мальчонку тиранить. Ничего с нашими кобылами не делается. Можно подумать, что агнецы они у нас безгрешные. А участковому и так несладко придется. Анфиска его живьем замумифицирует.

И, оставив огорошенного Комарова стоять посреди двора, женщины удалились.

– Или я – полный идиот, или все, чему нас учили – полная туфта, – растерянно проговорил Костя и отправился расправляться с печным дедом.

Дед, по своему обыкновению, тихо спал в своем снохоубежище.

Костя безжалостно растолкал старого шутника и стащил с печи.

– Ты, дед, давай, отвечай по-честному, – свирепо прорычал он, – я тебя снохе не выдал, а ты меня – под нож.

– Дык, – вяло оправдывался печной, потирая подслеповатые глаза, – какая разница, когда тебя эта стерва заарканит? Если уж глаз положила, значит, пропал ты, что с букетом, что без. Я просто события ускорил, чтобы поменьше страданий на долю твою выпало. Из гуманностей. Обреченных лошадей пристреливают, не правда ли? Все равно конфликт неизбежен, лучше раньше, чем позже.

Виноватый лепет старика начинал надоедать Комарову. Да и что с него взять? Выживший из ума старец, захотел пошутить перед смертью. Что ж его теперь, снохе отдавать? А если она по характеру похлеще Анфисы Афанасьевне? Комаров устало махнул рукой. День был перенасыщен событиями и неприятностями. Он хотел спать. Даже не притронувшись к накрытому чистым полотенцем ужину, Костя свалился на кровать и уснул крепким младенческим сном.

* * *

Солнце заливало комнату. В его слепящих лучах роились легкомысленные пылинки, на нагретом полу лениво жмурился сытый Сволочь. Мама нежно погладила спящего Костю по голове.

– Вставай, сынок, завтрак простынет.

– Ну-у-у, протянул Костя, – я еще посплю.

– На работу пора, – не сдавалась мама.

– Не хочуу-у-у на работу, – монотонно тянул Костя, – не пойду-у-у на работу.

– Надо, сынок, надо, – мама не уходила.

Костя с усилием приоткрыл не желающие разлипаться веки. Его красивая городская мама зачем-то убрала свои светлые волосы под белый платок, вместо привычных старых домашних джинс на ней было темное, в мелкий белый цветочек платье.

– Мама? – не понял Комаров.

– Господи, – всплеснула руками мама, – совсем загнали мальчонку! Бредит!

Только сейчас Костя окончательно проснулся и понял, что спит он не на своем любимом продавленном диване, а на огромной кровати с никелированными шишечками, которую он прозвал «катафалк» за небывалый размер и высоту, а рядом стоит не мама, а хозяйка, Анна Васильевна.

– Простите, – вскочил Комаров, – ошибся.

– Ничего, – хорошо улыбнулась Анна Васильевна, – мне даже приятно. И то смотрю – кастрюльки на крыльце нет, ужин не тронутый, а ты спишь, как херувим. Совсем, думаю, загнали квартиранта. Вот и решила разбудить. Не серчаешь?

– Да что вы, Анн Васильн, – искренне сказал Костя, уплетая горячие, заплывшие сметаной блины, – и не знаю, что бы делал без вас. Вы и правда, как мать родная обо мне.

Хозяйка смахнула быструю слезу, еще раз, осторожно, погладила квартиранта по голове и вышла, прихватив вчерашний, несъеденный ужин.

– Блин оставь, – раздалось с печи.

– За вчерашнее тебе не блин, а дрын надо бы, – вспомнил Костя предательство Деда-с-печки.

– Ну, не злобись, не злобись, – заворчал дед, – чувство юмора у меня такое, некондиционное.

– Нетрадиционное? – не понял Комаров.

– Оно самое, – обрадовался дед.

– Да черт с вами, – махнул рукой Костя.

Злость на деда прошла, а вчерашнее казалось скорее смешным, чем неприятным. Смутно, как забытый сон, вспомнил он, что вроде бы как примирился с мамашами болтливых подружек Светки Рябушкиной.

– Вот как удобно все устроилось, – вслух порадовался он, – и не пришлось по домам ходить, извиняться за неудобство. Сами пришли и простили.

– Чего-то я не понял, – с набитым ртом спросил дед, – про какое извинение талдычишь.

– Да погорячился я вчера, – с охотой, как о давно прошедшем, начал рассказывать Комаров, – наотправлял повесток, девчонок перепугал до смерти. Добрый человек присоветовал пройти по домам, повиниться, а вышло лучше: женщины сами пришли.

– Постой, постой, это какой умник насоветовал тебе по домам с поклонами ходить? – переспросил печной, чуть не поперхнувшись блином.

– Ну с какими поклонами? – возмутился Комаров, – просто извиниться за некорректные действия. А посоветовал человек хороший, в жизни разбирающийся, начальник, хоть и горохового цеха.

– А скажи-ка, внучек, – гнул свою линию дед, – когда ты эти повестки рассылал, ты что-то незаконное делал?

– Да нет, – пожал плечами Костя, – все по закону. Просто я не учел специфику местного уклада, вот не совсем ладно все и вышло.

– Так вот что я скажу тебе, участковый, – важно поднял палец вверх печной, – если и дальше будешь оправдываться за каждый свой поступок, то жалеть тебя, конечно, будут, любить, может быть, тоже, а вот уважать – никогда! Так и передай это советчику своему, гороховому!

– Эх и надоели вы мне все, – вспылil Костя, – учите все, учите!

– И то верно, – не обиделся дед, – устал я с тобой, бестолковым, возиться. Подсади-ка на печь, да сам в следующий раз, своей головой думай!

Костя, едва сдерживая досаду, затолкал деда на печку, и, лелея кровожадную мечту сдать печного в плен к снохе, вышел на улицу. Начинался третий день расследования.

* * *

Начать его Костя решил с визита к предполагаемой подруге убитого и ее мужу. День был выходной, наверняка оба супруга были дома, поэтому Костя решил не связываться с повестками, а навестить их самому. Так, кажется, делал Аниськин из доисторического телесериала, а его, вроде бы, на селе уважали и побаивались.

Дом Комаров искал долго. Все, кого он не спрашивал, требовали отчета о том, зачем участковый идет в дом Федорчуков, когда состоится суд над Куркулевым и заставят ли того закопать ямищу, выложенную цементом и безнадежно мечтающую стать бассейном.

После туманных отговорок Комарова, обиженные недоверием но-пасаранцы не менее туманно махали рукой в направлении, где предположительно жили Федорчуки и уходили, обсуждая себе под нос нелестное впечатление о новом участковом.

После того, когда потеряв пол-утра на поиск нужного ему дома Комаров все-таки его нашел, новое разочарование не заставило себя ждать. Хозяйка была дома, а вот хозяин...

– Ну и что, что выходной, – посмотрела на него, как на умалишенного, полногрудая молодая женщина, – лето же.

– На рыбалке, что ли? – не понял Костя ее сарказма.

– На какой рыбалке? В рейсе!

– Так выходной же! – почти крикнул Костя.

– Говорили, вы городской?

– И что?

– У сельских жителей выходные только тогда, когда им позволяет это земля и скотина. У меня вот тоже всего полчаса для вас есть. На дойку дневную пора.

– Я вам справку на работу выпишу, – жалобным голосом пробормотал окончательно запутавшийся Костя.

– А я ее на мелкие кусочки аккуратненько разрежу и каждой недоенной корове выдам. Пушай читают, – развеселилась женщина.

И тут же погрузилась:

– А я ведь знаю, зачем ты пришел. Федьку моего арестовать хочешь.

– Да откуда вы все знаете! – вспыхнул Костя.

– Знаем, не меньше тебя знаем. Только я тебе вот что скажу: не виноват муж. Да, грешила с Сергеем, да, и драки про меж них были, и всякое другое. Но только Федя мой на убийство неспособный. Он даже скотину мне заводить не дает, резать, говорит, жалко. И мышей из мышеловки на волю выпускает, если не до смерти их защемишь. «Пусть живут, – говорит, – раз судьба их пожалела, то значит так им на роду написано».

– Так кто же по-вашему, мог убить Куроедова? Вы его хорошо знали, наверное, говорил вам про врагов, друзей?

– Ничего я не знаю, – вдруг резко замкнулась женщина, – и вообще, мне на дойку пора.

– Придется вам тогда после работы в отделение прийти, – попытался остановить ее Комаров.

– Надо и приду, – почти равнодушно согласилась она.

«Ну и черт с вами, – злился Костя, выписывая повестки Елене и ее мужу, – еще церемониться с каждым».

Он с официальным видом выдал женщине повестку, и, взяв под козырек, гордо удалился.

* * *

А в Но-Пасаране тем временем назревала смута. Мало того, что все жители были в курсе африканской страсти, возникшей между Еленой Федорчук и покойным Серегой, мало того, что они единодушно встали на сторону Федора, отомстившего за измену, так народ еще и решил между делом избавиться от неприятного всем Куркулева, насалив тем самым его заносчивой жене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.